

Вадим Месяц. Мифы о Хельвиге

Приносили в горницу дары:
Туеса березовой коры,
Молоко тяжелое, как камень.

слушай, Хельвиг, они не умеют вр
[ём же тогда говорить с ними?
ши бабы не лягут рядом с такими.
ши коровы станут цветом другим
тому что они – не люди. Таких не л
и пьют прозрачные вина вместо с
ославляя достоинства местного ви
при этом настолько трудолюбивы
) кажется, они просто глуцы.
и знают правила жизни, Хельвиг!
отвращенья тебя бы стошнило!
тому что они – не люди. Уже не зве
Пух лебяжий в густых волосах найдет.
Улыбнется устало в глухой ночи,
и хозяйский огонь разведёт в печи.

Я смотрел на ясное крыло,

Говорил – становится светло.

Голову поддерживал руками.

Мама в бежной шали кружевной

пела и склонялась надо мной.

Вот и ходит бедняга из дома в дом,

словно вор промышляет чужим теплом.

И еще ему десять лет ходить,

свое царство хмельным шепотком будить

И к тебе он однажды в избу воидет.

Новая классика / Novum classic / Poetry

Вадим Месяц
Мифы о Хельвиге

«РИПОЛ Классик»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Месяц В. Г.

Мифы о Хельвиге / В. Г. Месяц — «РИПОЛ Классик»,
2016 — (Новая классика / Novum classic / Poetry)

ISBN 978-5-386-09134-7

Раньше мы воскурjali благовония в священных рощах, мирно пасли бизонов, прыгали через костры и коллективно купались голыми в зеркальных водоемах, а потом пришли цивилизаторы, крестоносцы... белые... Знакомая песенка, да? Я далек от идеализации язычества и гневного демонизма, плохо отношусь к жертвоприношениям, сниманию скальпов и отрубанию голов, но столь напористое продвижение рациональной цивилизации, которая может похвастаться чем угодно, но не глубиной мышления и бескорыстностью веры, постоянно ставит вопрос: «С кем вы, художники слова?»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-386-09134-7

© Месяц В. Г., 2016
© РИПОЛ Классик, 2016

Содержание

От автора	6
Новый Ерусалим	8
Хельвиг в яйце	10
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Вадим Месяц

Мифы о Хельвиге

© Месяц, В. Г., текст, 2016

© Трофимов, Б. В., художественное оформление, 2016

© Издание. Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2016

* * *

От автора

Раньше мы воскурjali благовония в священных рощах, мирно пасли бизонов, прыгали через костры и коллективно купались голыми в зеркальных водоемах, а потом пришли цивилизаторы, крестоносцы... белые... Знакомая песенка, да? Я далек от идеализации язычества и гневного демонизма, плохо отношусь к жертвоприношениям, сниманию скальпов и отрубанию голов, но столь напористое продвижение рациональной цивилизации, которая может похвастаться чем угодно, но не глубиной мышления и бескорыстностью веры, постоянно ставит вопрос: «С кем вы, художники слова?»

Казалось бы, ответ ясен: на стороне слабых, бедных, униженных, – таков закон жанра. Почему все происходит иначе? Почему поэты заняты исключительно самими собой или с самоубийственным восторгом стряхивают с себя последние пылинки традиционных культур, примеряя одежды поношенного ширпотреба? Народы интересны лишь тем, чем отличаются от прочих. Не я обращаюсь к коллективно-мистическому сознанию – оно существует и обращается ко мне. Я чувствую себя туземцем, чьи капища будут вот-вот разрушены, женщины уведены в рабство, земля продана за горсть стеклянных бус, жизнь лишена смысла по образу и подобию могущественных соседей. И это не политическая позиция. Это стихи выматывающего душу сомнения и, если хотите, страха.

На карте Меркатора (XVI век) Норумбега, царем которой является главный герой этой книги Хельвиг, обозначена в районе Новой Англии. Тур Хейердал называл это место «Норвежским домом», предполагая, что территория освоена чуть ли не с благословения папы Римского, задолго до Колумба. По другим источникам – название индейское, абенакское и означает лишь обилие водопадов. Мне была важна фонетика, странное слово «Норумбега»: я пытаюсь написать эпос некоего северного народа, того гигантского европейского кочевья, которое было обозначено римлянами как варвары.

Латинская поэзия создана, варварская – нет, и это, возможно, связано с другим подходом к языку. Отсутствие письменности у некоторых племен говорит скорее о большей разборчивости в слове: молитва и газета, небесный и земной алфавиты. Кельтика, германо-скандинавские саги, славянские былины, фольклор Сибири и Северной Америки могут служить источником для этой работы.

Я начинал с необязательной игры. Потом переключился на разномастные первоисточники. Любой артефакт древности представлен осколками: черепки ваз, бюсты с отколотыми носами, разбитые скульптуры. Здесь этими осколками являются стихи. У истоков европейской цивилизации по-прежнему стоит пиар-проект Гомера в виде «Илиады» и «Одиссеи». Демократия побеждает восточную сатрапию. Между тем археологические находки, сопоставляемые с античными и более поздними материалами, подводят нас к мысли, что эпос Гомера – абсолютный вымысел и что, несмотря на величие содеянного, «слепой певец» – первый фальсификатор истории. Об этом говорит Дион Христомом в своей знаменитой разоблачительной речи. Ему вторит наш современник, академик М.Л. Гаспаров. Неважно, была ли та война в действительности и кто в ней победил. Важно то, что художественное слово победило историческую правду. Попытки написать новый эпос для нынешней «техно-языческой» цивилизации должны приветствоваться.

Образ северного будды, белого царя Хельвига, несмотря на относительную самостоятельность, можно считать собирательным. Хельги, Хлодвиги, Хендрики и Хильдерики в кельто-германском пантеоне представлены щедро. Был даже некто Хендрик у ирокезов (Ти Е Нин Га Роу, император шести наций). Северный будда и должен быть повсюду и нигде, вчера и завтра. Для русского уха логично было бы отождествить Хельвига с легендарным Хельги (Вещим Олегом).

«И снова скальд чужую песню сложит и как свою ее произнесет». «Да, скифы – мы». «Громи их рай, Атилла». «Мимо острова Буяна, в царство славного Салтана» и т. д. Практики, давно знакомые русской культуре, но используемые иначе.

Новый Ерусалим

Вступление

Сотвори алфавит, чтобы мог прочитать зверь.
Но не смог написать с фронта письмо.
Нам на сердце ложится Благая весть,
где каждая буква – расправленное клеймо.

Скитанья Деметры забыты, для книги Царств
в дикарской Европе еще никто не готов.
Нам запретили шаманить и прорицать.
Мы должны сбросить многое со счетов.

Башня достроена, Троя не сожжена,
Поэт пережил на вершине Великий потоп.
Бегущая к морю божественная жена
белой метелью сквозит между мрачных толп.

Следы ее снегом ложатся на глинозем,
Белым снегом и погребальной золой.
Белого Бога казнили, но он спасен.
Он сгребает народы сырой метлой.

Гойделы, гардарики, ингевоны, чудь,
пожиратели конского мяса и кислых груш,
уверуют в вещее слово когда-нибудь,
раз солнце горит мириадами чистых душ.

Добросердечный вождь изначально слаб.
Пусть он сеет добро – никто не пойдет за ним.
На границах зловещие тени каменных баб
охраняют входы в Новый Ерусалим.

Белое море хранит черепа теремов
не хуже, чем пески останки царей.
Кочевники греются в стенах чужих домов,
но любят как дети властительных матерей.

Бригитта дает им солдатские имена:
Лойгайре, Хельвиг, Сигурд и Гвидион.
Вручает оружие, древнее как война,
которой должно пылать до конца времен.

Шестая эра закончится в Судный день,
до этого счастья тебе бы дожить суметь.

Пред тем как блаженно уйти в неземную лень,
праведник и греховодник встречаются смерть.

Кара небес неизбежна, как летний гром.
Горьким туманом стелется горный свет.
Голубь свивает гнездовье в тебе самом.
Дух вездесущ, но святого народа нет.

Чашу испив, черной плетью хлещи коня.
Северный ветер пусть хлещет тебе в лицо.
В крепости с крепкой дверью найди меня.
Я поверну на мизинце свое кольцо.

Все возвращается вспять на круги своя.
Чистилище пусто без крика и толкотни.
В светлице с прозрачным полом стоит скамья,
Где мы можем остаться совсем одни.

Все возвращается вспять из безбрежной тьмы.
Башня достроена, Троя не сожжена.
Солнце рождается посередине зимы.
Его пеленают в постели из чистого льна.

Мореход доплывает до новой святой земли.
И на берег ступив, под собою не чует ног.
Стали легки его быстрые корабли
и свернулись на женской груди словно платок.

И змеи пророчат, расправляя уста,
оставляя на каменных плитах россыпи слов,
напоминая, что до сих пор потомки Христа
где-то в холодной Бретани пасут коров.

Как стрелки часов вращаются острова.
Молнией на них зажжены сухие костры.
В дыму конопляном кружится голова.
Наши боги как прежде отзывчивы и щедры.

И мы так же приносим жертвы на первомай,
перемещаясь в область безвестных снов.
И если на этой земле существует рай,
то он для героев, поэтов и колдунов.

Время течет по-другому: века как год.
И мы ждем терпеливо, не омрачая лоб,
когда ранним утром печальной волной прильет
к острову Яблок царский дубовый гроб.

Хельвиг в яйце

Норвежская сказка

Это не слезы – он потерял глаза.
Они покатались в черный Хедальский лес.
Их подобрал тролль.
И увидел луну.
Это не жаба – он потерял язык.
Тот поскакал в черный Хедальский лес.
Его подобрал тролль.
Увидел луну и сказал «луна».
Она подороже, чем золотой муравей,
И покруглей, чем мохнатый болотный шар.
Тролль хохотал, и его подобрал разъезд.
Чтобы не плакать, нужно скорее спать.

Хельвиг (осенний)

К августу дол заполнится паутиной.
Олени уйдут сквозь кусты, швыряясь хвостами.
Деревья шепнут, как народы: «мы умираем за короля».
На горизонт примостится плоское солнце,
ляжет поваленной гильотиной. И желтой,
быстро вертящейся монетой станет земля.

Водянистый туман, уходящий в жабы рты,
поющие глубже колодца, меняясь местами
с восемью берегами озера,
на которых когда-то был я,
дыхнет медовухой в пчелиные соты.
И пенная шелуха мыла слетит с белья,
развешанного на заборах,
как лопухи.
А ты махнешь по небу кривой хворостиной,
прогонишь птицу, чтобы вернулась.
На четвертые сутки перейдешь поля
И найдешь сапог жены
в шерге позолоты.

Хельвиг и курица

– Государь, у твоего престола
курица сломала себе ногу.
Что нам делать?
– Подожги ей крылья,
подожги знамена,
бросьте в море весла на подмогу.
Прикажите снежной бабе бить тревогу.

– Государь, у твоего престола
бабы рыжие на голову упали,
а замужние по чресла закопались,
не подняв и под землей подола.
Прикажите самой голой бить тревогу.
– Никогда не прикажу ей бить тревогу.
Вставьте в голову ей мельничные крылья,
прикажите снежной бабе бить тревогу.
Пусть князья выходят на дорогу.

– Курица сожгла весь флот почтовый.
Государь, вдоль твоего престола
муравьи проходят в твою печень,
И никто дороге не перечит...
Что нам делать? Ты нам нужен новый.
– Я сейчас сжигаю свою старость.
Каждой третьей подарите море.
Сшейте мне кафтан из вечной шерсти.
Снежной бабе подарите вымя.

Хельвиг (проселочный принц)

Хельвиг, гони комаров дуновением губ.
Вытащи свой обгорелый нос из цветочной пыльцы.
Твоя правая ладонь была сильнее овцы,
а когда ты ее раскрыл, она стала изысканней карты
торфяных болот. Было видно, что по ней прошли
самые острые резцы, чтоб всегда удержать
глубокую влажность квартиры.
Если бы я был твоим отцом,
я сдал бы тебя в бонапарты.
Я понимаю, что ты перепахал Европу носом, как крот.
Я знаю, за сколько целковых ты продашь свой труп.
Попробуй распороть сушеной трескою Господень живот.
И потом деревянной рукой с ледяным кольцом
расчеши мне мои бакенбарды.

Хельвиг (казнимый)

1

На виселице ты заверещал, как сады сверчков,
Ты навис своим бормотаньем со всех сторон.
И народы упали, они погрузились в сон.
И легли друг на друга вповалку, будто притон.

С соломой перемешался царевны альков.
Швейной иглой прошли вдоль ее позвонков.

Потом ты закрыл глаза, чтоб поднять паруса
погибшей флотилии. И раздвинулись плечи медуз.
И мачты, содрав с себя ил, поднимали леса.
Они искали твой парус словно в колоде туз.

И палач расстелил свою душу на медном столе.
Только чтоб тебя не было на земле.

2

Они поднимали вверх лица. Им снился сон.
Костры и кресты. Ты качался в холодной мгле,
Ты был хохочущим снегом. На твоём челе
зима изменяла поклонами свой наклон.

Скорее, чем перстень провалится в решето,
скорей, чем слезою захлебнется твой рот,
ты согласишься, что тебя ничто не спасет.
И серпами над головами лязгнул восход.

В бухте стукнуло в камень триста судов,
их тащили триста твоих нерожавших вдов.
А ты захохотал щербато навеселе,
едва увидал радугу на весле.

И царевна Хельга тоже в гости пришла,
как студень качалась она поперек седла.
А ты расчесывал пряди старой метле.
Тарабанил ногами джигу в своей петле.

Хельвиг с яблоками

Внесли гору яблок, расцелованных твоей женой.
И теперь подсматривают в дверную щель,
как ты одно за другим переносишь их в свою постель,
из шаров собираешь закатные облака.
Ты увлечен их свечением, глубиной,
хранящей внутри сжатого кулака
дрозда поскрипывающую трель,
сочный треск разрываемого силка.
Ты берешь их на руки, словно ты их отец,
они ластятся, подставляют бока.
У кого-то из них должен быть брат-близнец,
только близнецов ты не отыскал пока.
Их больше, чем покоренных тобою стран,
но только одно сердце, только одно
должно покатиться во вражий стан,
но решать которому – тебе не дано.
Они растут на руках, меняют окрас.
Страданья пленницы переполняет их свинцом.
И вот просыпаются на пол. И в первый раз
мы видим тебя с растерянным лицом.

Хельвиг (никчемный)

Листья легли словно оспа на твое лицо,
когда ты решил стать самым никчемным,
самым последним, самым бездомным.
И сразу же в этот миг в село вкатилось
и пошло плясать колесо с ободом раскаленным,
рассыпая костры, сеновалы, морды,
сдвигая фьорды в Господень лик.
Оно дотла спалило крыльцо,
на котором стояли старуха твоя и старик.
И народам стало холоднее еще.
И девушки вымыли лица кислым борщом.
И Хельга сказала, сейчас для тебя, холуя,
по самой тонкой нитке пройду голая я.
Для рождественской для тебя открытки.
Для постройки нового корабля. И слезы
раскаянья Хельвига, словно две огромных
улитки, скатились на землю. И их приняла земля.

Свитер Хельвига

М. Кагановой

Зимою любая одежда невелика.
Бабка пряжу пряла и забылась глубоким сном,
смешала с шерстью лохматые облака,
зацепила свой локон веретеном.
Десять внуков было у нее, шесть сыновей
и молитва на северные острова.
До последних, до Вавилонских кровей
распустилась ее смерти канва.
Хлопьями она рассыпалась ниц,
чтобы ты напоследок зашел.
Когда тени тяжелых спиц
раскачивали престол.
Хельвиг на пороге стер каблуки.
Теплей, чем родная мать,
получился свитер. На нем две женских руки
ждали царя обнять.

Хельвиг (сиюминутный)

Швырнешь в долину горсть, черную горсть:
в деревнях черными сапогами запляшут смутьяны.
Из горла у песни щучью кость
достанут зашивать свои раны.
Народы облокотились на твою трость,
в карманах их пиджаков висят стаканы.
Швырнешь россыпь криков, стаю скворцов вернешь
желуди перебрать на хозяйской риге.
В чей череп ложится тяжелый нож,
не разобрать в многоголосом крике.
У плетня топчется молодежь,
Хельвиг смотрит взглядом ханыги,
как, сбита ногтем, платяная вошь
вгрызается в переплеты Великой книги.

Старость Хельвига

Солнце слезится в глазах, будто чистят лук,
по углам шуршит пестрой курицей тишина,
обволакивая паклею каждый звук
табачного кашля в полынных парах вина.
Дом исхожен народами, пыль соленых сапог
отпечаталась прибоем в песке.
Кроны каштанов раскачивают потолок
и роняют рыбацкие сети на чердаке.
И душа шелушится, словно луковица в тепле,
все пытаюсь открыть глаза,
ее глубина исчезает в сыром дупле,
сшибает прелью, словно солдатская кирза.
Но тебя нигде нет. Только вот старость твоя,
в светлом капище выставленная напоказ,
принимает любого вошедшего в сыновья,
благословляет, не открывая глаз.
Твоя старость словно повадка лисья —
ускользнуть... оставить в тоске,
оказалась легка, как осенние листья,
качающиеся в гамаке.

Норумбега весною

Ранней весною твой мрачный народ
воспламеняется как кислород.

.....

Насмерть стоит, но идет напролом,
не пережив векового надлома,
солнечным щедро пригретый теплом,
шарит и шарится, как помелом,
или шуршит, как сухая солома,
сгорбленно прячась за каждым углом.
Грубый, взъерошенный, жаждущий хлеба
из золотых государевых рук,
ваньку ломает, ломает каблук,
выбравшись зверем из снежного склепа.
Падает навзничь и смотрит на небо
вдребезги битым зеленым стеклом.
Радостно чавкает рваный сапог
в трудной дороге до отчего дома.
Утлый ковчег и прогнивший чертог
в поле чернеют почти незнакомо.
Я бы вернулся к вам, если бы смог,
перегорев от хмельного кошмара,
чтоб с языка, как с глухого амбара,
всей колокольною страстью удара
праведным словом сорвался замок.

Славянская сказка

Разомкнулась ночь с четырех сторон.
Ведьмы у царя умыкнули сон.
Погрузили сон в голубой мешок,
на продажу свезли в Ежевичный лог.

В Ежевичном логу мельница стоит.
Эта мельница никогда не спит.
Колесо ее двигает река,
что течет с горы не года – века.

Мельник медленный – кости как дрова.
В бороде его прячется сова.
И клубится туманом мука в башке.
Царский сон копошится в льняном мешке.

Он, не названный гостем здесь дорогим,
недоволен платьем своим плохим.
подавай ему тонкий батист – не лен.
Рассердился старик на капризный сон.

Семь ночей и семь бесконечных дней
тер он царский сон между двух камней.
Источился в снотворный сон порошок,
разлетелся на запад и на восток.

Замыкалась ночь с четырех сторон.
Половина земли погрузилась в сон.
Только царь по державе один бредет
деревнями, где дрыхнет его народ.

Нагадала гадалка, что он уснет,
если сон свой по перышку соберет
для подушки своей, словно хлеб в суму,
по стране в каждом божьем ее дому.

Вот и ходит бедняга из дома в дом,
словно вор промышляет чужим теплом.
И еще ему десять лет ходить,
свое царство хмельным шепотком будить.

И к тебе он однажды в избу войдет.
Пух лебяжий в густых волосах найдет.
Улыбнется устало в глухой ночи,
и хозяйский огонь разведет в печи.

Ночь на Купалу

Я – тело тел чужих. Не продолженье.
Не смычка тесноты племен древесных:
бугристые, сырые вороха,
что раздвигает легкая соха...
Не затонувший в колыбельных безднах
усталый пленник свального греха,
где зреет опыт умного скольженья
о нежные уста и потроха.

Вместить всех женщин женщина одна
способна, если смотрит прямо
в глаза. И взор окован цепью.
В любом родстве сокрыто первородство.
Душа одна на всех, она грешна.
Она всегда красивая как мама,
как волосы, распахнутые степью,
И в этот миг никто не ищет сходства.

Герхой

В этом месте пучина, срываясь с цепи,
разгибает крюки якорей.
Ты прошел полземли, но сейчас – отступи
перед городом мертвых царей.

Он стоит под надзором высоких лесов,
опоясан излуками рек.
По небесному кругу закрыт на засов
горбылями мрачных телег.

Этот город чудной охраняют костры
Из степной конопли и дубовой коры.
И свечение душ сквозь древесную клеть
полыхает как свежая медь.

Там совиные очи в бойницах горят,
смотрят вдаль до полярных морей.
И планеты на башнях расставлены в ряд,
но дворцы не имеют дверей.

Каждый мертвый правитель посажен на цепь,
чтоб войти в череду праотцов.
Для живых у нас только – пустынная степь,
но есть место для мертвецов.

Суть державы есть сердце великой беды,
необъятной для пустобрех,
что щепоткою соли сжимают персты,
словно правду, одну и на всех.

Сколько пышных столиц и заветных храмин
было смято ордою зверей!
Но за нами остался город один,
это город мертвых царей.
Уходящие в вечность к рогатым богам,
не снимайте масок своих.
Этот топот я чувствую по шагам,
среди вас – много родных.

Красной охрой намажу я другу лицо,
после смерти он станет добрей.
Принесет мне на память воловье кольцо,
обод вечности мертвых царей.

Северная Изольда

За ледяными морями горит трава,
и ветер доносит до гавани горький чад.
Есть радостный дым, вдохновляющий на слова.
Но к нам залетает гарь, от которой молчат.

Слышно, как в ступе старуха сердца толчет,
по дощатому полу катится в кут серьга.
Раз по левому глазу слеза твоя потечет —
дунет северный ветер и завтра придет пурга.

Мельтешит фитилек на озябнувшем маяке,
а ему бы из света крутые снопы вязать.
Не гадай мне, гадалка, по белой моей руке, —
ничего ты не сможешь мне рассказать.

Видно, водит нас за нос несбыточная любовь:
в горле ком застывает, кружится голова.
В деревушке к тебе мог посвататься бы любой...
За ледяными морями горит трава.

Мы выходим на пристань, уверенно стиснув рот.
За собою тащим подростков и стариков.
Встречный ветер – единственный наш оплот,
не имеющих веса береговых оков.

За ледяными морями горят леса.
Чахлый вереск и пихта, сосна в смоле позолот.
Если хочешь – ладонью закрою тебе глаза.
До земли неизвестной кто теперь поплывет?

Кто пойдет за тобою пропащий народ спасать?
Непогода и холод царят здесь из года в год.
Оставайся снасти чинить да чулок вязать.
Свет полярный над нами, а под ногами лед.

Хельвиг-пастух

Я вывел из ада корову, смотав на кулак
мочало пеньковой веревки на трепетной вые.
Военные трубы рыдали для нас вековые,
когда у последних ворот мне вернули пятак.
Как выпренно жалок был мой благодарственный знак.
С дороги прямой я опять выходил на кривые.

Разверстого неба сложились крутые куски,
вернув пустоте горизонта уверенность взгляда.
Корова брела, будто ночью отбилась от стада,
проснулась в загоне и встала с неверной ноги.
В глазах ее тлела рассвета сырая прохлада,
в желудке барахтались воды подземной реки.

Я вывел корову из мрачного, вечного ада.
Базарным деньком открывались большие торги.

Величье бессмертья еще не сковало ее
тщедушного сердца упругой железной сетью.
Но в кособокой фигуре, сверкающей медью,
сквозило древнейшей гармонии забытье,
космических сплавов неведомое литье,
что пролежало в земле за столетьем столетье.

Она за короткое время отвыкла от форм
телесности. В старом нелепом наряде
ей было неловко. Повадки возвышенной знати
вошли в ее душу важнейшею из платформ.
С брезгливостью, близкой к саморастрате,
смотрела она на навоз и на клеверный корм.

Оплот бескорыстия предполагает приплод.
Сосуд материнства есть образ кладбищенской глины.
Рассвет молоком заливает согбенные спины,
в полях вызревают хлеба неизвестных пород.
Кто вышел из пекла, из самой его сердцевины,
скорее всего, не спешит возвращаться в народ.

Мы тщетно старались пройти вдоль границ деревень,
чтоб не потревожить покоя уснувших околиц.
Но праздничный ход богомольцев и богомолиц
уже начался. Разметая блаженную лень,
костры поднимались, рядами в тумане построясь,
бросая на черствые пашни прозрачную тень.

Прилежные девы в тяжелых рубахах ночных
простоволосой толпой выходили из хижин
и шли по пятам, рассыпая цветение вишен,
несли подношенья на днищах заслонок печных,
даруя спокойствие каждому, кто был обижен
недавним прилюдным позором времен сволочных.

Народ заполнял низкий дол, как весенний разлив,
ломал за поклоном поклон, славя чудное чудо.
Приветственным звоном в домах громыхала посуда,
пытаясь найти для молитвы заветный мотив.
Но счастье, уже не стыдясь откровенного блуда,
разлилось по паперти, руки свои распустив.

Мы шли вниз по склону к престолу земного царя,
по следу звезды наклоня невидимый посох.
Подобно монаху, что принял пастушеский постриг,
я дослужился до звания поводыря,
надменный как сказочный демон, стыдливый как отрок,
вкусил безразличия мира и выпил моря.

Душе нашей выпало вечно скитаться в мирах,
сверяя пути по следам человеческого стада,
от райских лугов до пристанищ холодного ада,
ночуя всю жизнь на чужих постоялых дворах.
Досталась от Господа нам непростая награда:
забытые грех первородства и жертвенный страх.

Младенец лежал. Его трон подпирали небеса.
В отчаянной малости тела копился избыток
пожизненной власти, сражений, немыслимых пыток,
безудержной веры в знамения и чудеса.
И вдруг распахнулся судьбы непрочитанный свиток.
Царь мира спокойно открыл голубые глаза.

Он гневно взглянул на светило, дыша глубоко,
вбирая в себя распыленную гарь мирозданья.
Короткие детские руки подняли легко
заиндевелую чашу земного страданья.
Сухими губами он медленно пил молоко,
глотя его, словно клятвы священного знанья.

Молочные струи стекали ребенку на грудь.
Он быстро распробовал вкус вожденного пойла.
Скрипели помосты дубового царского стойла.
Великий корабль отправлялся в неведомый путь.
Несбыточный градус такого глухого застолья
поверг бы в смятение любую послушную ртуть.

Напиток бессмертья замешен на смертном грехе.
Его белизна, словно звездная твердь, иллюзорна.
Прах предков сгущается в животворящие зерна,
и травы растут, не давая дороги сохе,
чтоб вспыхнуть однажды в сторожевом петухе,
придав его горлу подобье гортанного горна.

Он пил нашу гибель во славу державной зари,
вручая рассветному миру ужасное имя.
Гремучие змеи сосали огромное вымя,
как колокол древний с семью языками внутри.
И страшная пропасть росла между нами и ними.
Бездомными стали священники и цари.

Я помню, что бросил монету в один из ларцов.
Усталые старые губы шептали «не надо».
Сегодня я вывел корову из страшного ада.
У красной коровы уже не осталось жрецов.
Но, греясь под паром, живая земля праотцов
тревожно ждала завершения былого обряда.

«Я корову хоронил...»

Я корову хоронил,
говорил сестре слова.
На оплот крапивных крыл
упадала голова.
Моя старая сестра,
скоро свидимся в раю,
брось на камешки костра
ленту белую свою.

«Поднимаясь с тяжелой ношей на престол...»

Поднимаясь с тяжелой ношей на престол,
разомлевший от дремучего вина,
с длинной лестницы сорвется мукомол,
мягче войлока, бледнее полотна.
Промелькнет, навек теряясь в глубину.
И, не ведая, что стало в этот миг,
удивленный, я свободнее вздохну,
будто горе развязало мне язык.

Хельвиг в яйце

Хельвиг уходит в сон, как в скорлупу яйца,
в котором полярная ночь тянется без конца,
в котором свод ледяной, облитый синей луной,
словно скобой лубяной сжимает овал лица.
Он спит в ожиданье восхода с родною страной,
чтоб однажды весной увидеть во сне отца.

Он теребит рукавицу, как лапу медведь,
забывает навеки свистящую в небе плеть,
и только шар голубой с печной трубой
вращается сам собой и продолжает греметь.
Когда закрываешь глаза, ты еще не слепой,
но на очи уже легла ловчая сеть.

Народ засыпает так же, как государь,
он протрубил отбой, погасил фонарь.
Отголоски молвы, как шорох сухой травы,
рвут вековые швы, режут янтарь.
Никак не выходит из горестной головы:
каждый тобой казненный есть Божья тварь.

Летаргия героев, беспечность голодных псов.
За непрочной стеною согласный гул голосов.
На меловую ладонь угольная ладонь
ложится, зажав огонь, между двух полюсов.
И лучший на этой земле многоногий конь
выходит из дикой чащи на опушку лесов.

Слово любого поэта переполняет лесь.
Вслед за весенним солнцем приходит Благая весть.
Если кто-то воскрес, то это бескрайний лес.
Хельвиг ценит лишь то, что действительно есть.
Он выходит из леса, теряя привычный вес.
На его устах пробудилась месть.

Хельвиг приветствует небо как своего отца.
Он смеется над небом, разрывая сердца.
Он стоит на земле в туманной рассветной мгле.
Он в июньском тепле вылупился из яйца.
Счастье это молитва о бесконечном числе.
И этой бескрайней молитве не видно конца.

Хельвиг и торт

Д. Давыдову

К Хельвигу приближается торт,
переливаются его купола.
В нем отблески хитроумных морд
мелькают, что в чаще перепела.
Народы вносят нарядный гроб,
сладкий сон, освещающий мрачный лоб,
белоснежный айсберг всплывает в порт,
раскаленный восторгами добела.

Царь, принимая вызов, колотит в щит;
вождеенье его навсегда удлиняет тень
каждой руки, что на весу дрожит.
День рождения бога – не каждый день.
Хельвиг проснется, он паклей глаза протрет,
а потом, ослепленный, упадет из седла.
Торт сверкает, словно хрустальный грот,
в нем смысла не меньше,
чем в нас тепла.

Старость капризна, детство – обитель зла,
если на праздники не зажигают свеч.
веданта записана, составлена каббала,
до лучших времен позабыта родная речь.
Храм святой это мамкою взбитый крем,
пенки от мирового яйца,
манна с неба, что станет по вкусу всем,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.